

УДК 800

ББК 81

Т 46

А.П. Тихонова

Лингвокультурный аспект языкового знака (на материале адыгейского, хаттского и хеттского языков)

(Рецензирована)

Аннотация:

Изучение значения языковых единиц в контексте когнитивных структур позволяет лучше понять роль человека как носителя определенного опыта и знаний в формировании языковых значений. В данной статье автор исходит из предпосылки, что естественные языки представляют собой коды культуры, которые по-разному отражают и структурируют окружающий мир.

Ключевые слова:

Универсально-предметный код, концепт, когнитивный контекст, денотат.

Любой национальный язык выполняет несколько функций: функцию общения (коммуникативную), функцию воздействия (эмотивную) и, что для нас особенно важно, функцию фиксации и хранения всего комплекса знаний и представлений данного языкового сообщества о мире. Такое универсальное, глобальное знание – результат работы коллективного сознания – зафиксировано в языке, прежде всего в его лексическом и фразеологическом составе (5:4), как будет показано на материале хеттского (индоевропейский язык), современного адыгейского и хаттского, принадлежащего предположительно к северокавказской ветви иберийско-кавказской семьи языков.

Выбор материала исследования обусловлен тем, что хаттский язык, который послужил субстратом для хеттского языка, обнаруживает структурное и материальное сходство с абхазо-адыгскими языками (2:172-175). Кроме того, на протяжении длительного вхождения в одно государство (один социум) на территории Малой Азии сложилось уникальное лингвокультурное сообщество, в котором слова обоих языков использовались параллельно, что привело к сплаву хаттских элементов с хеттскими. В данном исследовании исходит из предпосылки, что каждый естественный язык представляет собой замкнутую кодовую систему, которая имеет структурную и концептуальную стороны.

Структурную сторону языка соотносим с морфологией, концептуальную – с упорядоченной совокупностью единиц мышления (9:65).

Поскольку все языки обладают достаточной полнотой выразительных средств и выражают один и тот же внеязыковой мир, В. Скаличка предлагает искать различия между языками в различных способах выражения внешнего мира. По его мнению, существует два уровня в способе языкового выражения. Первый уровень – словарный состав, лексические единицы, которые являются наименованиями предметов, свойств, действий и т.д. Второй уровень составляют морфологические особенности. В отличие от словаря и синтаксиса, по мнению В. Скалички, морфология как самостоятельное целое не нужна в языке. Морфология есть определенная часть семантики словаря и определенная часть семантики синтаксиса, которые выступают как автономные элементы системы. Язык в ней не нуждается, ибо нет ничего такого во внешнем мире, с чем ее можно было бы соотнести; вот почему она иная в каждом языке, хотя общий принцип полноты выразительных средств и семантической идентичности языков не нарушается. Различия в языковом строе прежде всего пронизывают морфологию (8:29).

Концептуальное ядро языка составляет единая логико-понятийная база, совокупность ментальных универсалий, универсально-предметный код. Он является базовым компонентом

мышления. Этот компонент мышления интернационален и не зависит от национальных языков и культур. Именно наличие этого всеобщего мыслительного кода делает возможным понимание друг друга людьми, принадлежащими к разным культурам и разным языковым коллективам, он делает возможной переводимость с любого языка на любой другой язык. Но одинакова лишь база, основа. Развитие же, детализация и конкретизация универсальной логико-понятийной основы каждым этносом осуществляются по-своему (5:121-122).

В ходе сложного исторического развития модель значений и система наследуемых представлений закрепляется в языковом сознании социума, говорящего на данном языке в виде концептов – вербализованных символических образов идеального понятия, отражающих ментальное представление носителей языка об объекте действительности в соответствии с системой традиций данной культуры (1:5).

Культуру можно определить как то, что общество делает и думает. Язык же есть то, как думают (7:196).

Объективный мир для каждого этноса различен, так как соприкасается с ним только в какой-то одной части. Мир как бы повернут к конкретному народу лишь своей незначительной частью, которая и получает в языке наибольшую дифференциацию, ибо только она дается ему в непосредственных ощущениях, остальная часть внешнего мира обозначается крупными мазками, но не прорисовывается тщательно.

Например, мир, окружающий жителя Крайнего Севера, – снег, льды, моржи, короткое полярное лето, северное сияние – резко отличается от мира жителя Африки – жара, засуха, львы, антилопы, бегемоты.

Этим объясняются значительные отличия в словесном покрытии внешнего мира разными языками. При этом имеют место не только лексические лакуны и различия объемов значения отдельных коррелятов, но и различные признаки и коннотации, закрепившиеся за обозначениями одних и тех же объектов окружающей среды в разных языках (5:146).

Например, в наименование русского слова *подснежник* положен такой ментальный признак как *местонахождение цветка*, в то время как французское название *perce-neige* отражает

способ появления цветка – буквально *пронзающий снег*.

Слово выражает в общении коммуникативно релевантные признаки концептов, поэтому ни одно слово ни в одном акте речи не может выразить все содержание концепта – оно (содержание концепта) никогда не востребовано в полном объеме в силу своего глобального объема (9:65).

Коды культуры соотносятся с архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, они эти представления и шифруют. При этом в современном языке могут сохраниться те модели культурно обусловленного, канонизированного знания, которые возникли на заре человеческой цивилизации и уже не являются релевантными для членов современного лингвокультурного социума.

Например, в слове *янэ-ятэхэр* «родители» (буквально *матери и отцы*) в современном адыгейском языке сохранились архаичные черты. Сравните с хеттским *annuš attuš* – матери и отцы, где название матери стоит на первом месте. В более поздних хеттских клинописных текстах (второе тысячелетие до новой эры) название отца (*atta*) ставится на первое место, название матери (*anna*) на второе место, что, вероятно, связано с постепенным устранением пережитков материнского права (3:20).

Однако при исчезновении в современном адыгейском языке такого когнитивного контекста как *главенствующая роль матери в обществе* в этом слове по-прежнему продолжают сохраняться такие контексты как *генетический* – генетическая мать, мать по рождению, *генеалогический* – ближайший предок по женской линии, *брачный* – жена отца.

К этому же периоду относится и возникновение терминов родства *атэш* «дядя по отцу» (буквально: брат отца) и *анэш* «дядя по матери» (буквально: брат матери) (См. А.К. Шагиров. 3:28 *анэш* «родня матери»), что, очевидно, связано с правом наследования. Как свидетельствуют факты, относящиеся к истории хеттского общества, первоначально соблюдался порядок наследования по женской (материнской) линии. Изменение порядка наследования (когда вместо племянника царя по женской линии, который должен был наследовать царю, наследником был объявлен сын царя) потребовало от царя

обращения к совету воинов – панкусу (См. завещание Хаттусилиса) (3:23).

В содержании современного адыгейского слова *былым* со значениями «скот, имущество, ценность» значение «ценность» восходит к ранним временам скотоводства.

Возведение А.К. Шагировым значений слова *былым* «скот, богатство» к тюркскому билим «знание, познание» от бил – «знать, понимать» вызывает сомнение, а мнение автора по отношению к значению «бестолковый» вполне оправданно (3:206). Очевидно, происхождение слова *былым* связано с инд-арийск. *bhul*, англ. *bull*. В древности бык был предметом ритуального поклонения, неизбежно связанным с религиозным экстазом. М.М. Маковский отмечает, что у хеттов бычья кровь служила предметом ритуального возлияния (6:85-86).

Особый интерес представляет сохранившийся в тексте хеттских законов тариф, в котором стоимость мяса различных животных оценивается посредством указания эквивалентных долей одной овцы, являющейся, таким образом, древней единицей стоимости, а, соответственно, и ценности. Сравните лат. *pecus* – скот, *pecunia* – деньги. (3:27).

Как показывают вышеприведенные примеры, обиходный язык не спешит отражать массу новых знаний об объективном мире в языковой картине мира, К тому же он упорно сохраняет в себе все то, что пришло в явное противоречие с объективной реальностью и должно было бы быть замененным чем-то более соответствующим современному знанию. Однако этого не происходит. Напротив, в языках сохраняются огромные лексические пласты, именующие вещи (в широком смысле слова) к объективному миру отношения не имеющие. Прежде всего, это относится к таким важнейшим областям любого языка как область субъективных оценок и область номинации мифологических объектов.(5:98).

Особенностью религиозных терминов является то, что они моделируют на самом деле не внешний мир, а религиозную модель этого мира и поэтому с точки зрения современной логики служат для обозначения концептов, не имеющих денотатов (3:204).

Религиозные воззрения хаттов унаследованы хеттами исключительно как составная часть их культуры, что нашло отражение в языке.

Например, в хеттизированной форме божества, охраняющего душу, *Ku-du-ili* первый элемент легко соотносится с адыгейским *гу, ку* «сердце, душа». Хеттизированные формы бога бури *Taru, řaru* находят соответствия в адыгейском *шыблэ* «гром» и кабардинском *шыблэ* «молния». Сравните названия бога солнца *Eřtan, Ařtan, Izzi-Iřtan* – благой бог солнца с *izzi-iřtanu*=«благоприятный день», первый элемент которого соотносится с кабард. *цлу* «блестящий», адыг. *цлун* «блестеть». (4:162).

В хеттских религиозных представлениях важную роль играло понимание сна как божественного откровения. Соответствующий религиозный термин *teřha-, zařhi* «сон как откровение богов» был заимствован хеттами из языка хатти и вытеснил древнейшее индоевропейское название сна, родственное русскому сон, старославянскому *сьнь*. Второй элемент в вышеприведенных словах просматривается в адыгейских словах *пчыхъэ* «вечер» и *пкыхъанлэ* «сон».

Как подтверждает анализ, значение языковой единицы есть вербализованное культурно-обусловленное знание, которое становится понятным только в контексте оценок определенного языкового сообщества. При этом исчезновение когнитивного контекста, который стоит за тем или иным блоком знания и обеспечивает коммуникацию, не препятствует пониманию, так как каждая языковая единица реализует лишь часть концептуальных характеристик, значимых для коммуникации.

Примечания:

1. Бижева З.Х. Адыгская языковая картина мира. Нальчик, 2000, 124 с.
2. Дьяконов И.М. Языки древней передней Азии – М.: Наука, 1967, 492 с.
3. Иванов Вяч. Вс. Хеттский язык. – М.: УРС, 2001, 294 с.
4. Иванов Вяч. Вс. К этимологии некоторых миграционных культурных терминов // Этимология. – М.:Наука, 1980, сс.157-166.
5. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003, 348 с.
6. Маковский М.М. Язык – Миф – Культура. Символы жизни и жизнь символов – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1996, 330 с.
7. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии – М.: 1993.

8. Скаличка В. Типология и сопоставительная лингвистика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV Контрастивная лингвистика. – М., Прогресс, 1989, сс.27-31.
9. Стернин И.А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, №1, 2004, сс.65-69.
2. Хатанов А.А., Керашева З.И. Толковый словарь адыгейского языка – Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1960, 696 с.
3. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков – М.: Наука, 1977, т.1 – 290 с., т.2 – 224 с.
4. Словарь кабардино-черкесского языка под редакцией П.М. Багова – М.: Дигора, 1999, 860 с.

Словари:

1. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов – М.: Гуманитарный изд. Центр ВЛАДОС, 1996, 415 с.

Список сокращений:

- адыг. – адыгейский язык
англ. – английский язык
инд.- арийск. – индоарийский язык
кабард. – кабардинский язык
лат. – латинский язык.